

Роман Буряков

Тот, кто рисует
утро

Роман Буряков

Тот, кто рисует утро

«Автор»

2026

Буряков Р.

Тот, кто рисует утро / Р. Буряков — «Автор», 2026

Алиса — художник, который никогда не показывает свои работы. Она рисует на застекленном балконе несуществующих людей, и на следующее утро они появляются в реальности: продают пирожки у переезда, работают охранниками в «Пятерочке» и читают лекции пенсионерам. Однажды она рисует философа по имени Леня, который ждал своего воплощения триста лет. Он объясняет ей: художник не создает, а открывает «мягкие окна» между мирами, выпуская наружу то, что уже существует — идеи, мечты, страхи и даже месть. Случайная обида в троллейбусе приводит к тому, что под окнами появляется злая старуха с селедкой, а вслед за ней — человек без лица, олицетворяющий самый глубинный страх Алисы. Теперь ей предстоит сделать то, чего боится каждый творец: нарисовать себя. Увидеть свое отражение без прикрас, встретиться с собственными желаниями и понять главное: единственная краска, способная превратить бумагу в живого человека, — это любовь.

© Буряков Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка с мольбертом и лишним человеком	5
Глава 2. Теория "Мягких окон"	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тот, кто рисует утро

Глава 1. Девочка с мольбертом и лишним человеком

Алиса проснулась от того, что в ее голове кто-то играл на губной гармошке. Не то чтобы она слышала этот звук ушами — нет, сосед сверху не сверлил стену перфоратором в семь утра, в соседней квартире никто не включал телевизор на полную громкость, и даже дворовые коты, которые обычно устраивали концерты под ее окнами ровно в пять тридцать, сегодня почему-то молчали. Мелодия звучала где-то глубоко внутри, в том самом месте, куда обычно прячутся невысказанные обиды, забытые имена и сны, которые пытаешься вспомнить за завтраком и не можешь. Мелодия была похожа на "Подмосковные вечера", только если бы эту песню сыграла панк-группа "Сметана" на репетиции после трех банок энергетика. Гармошка фальшивила, но делала это с таким упорством, что становилось почти приятно.

Алиса открыла глаза. Потолок был серым. Не потому что серый от природы, а потому что кто-то когда-то давно побелил его известкой, а потом время, влажность и жизнь сделали свое черное дело. Алиса лежала и смотрела на потолок уже три года, с тех пор как сняла эту однокомнатную квартиру на седьмом этаже панельной девятиэтажки в районе, который местные называли "Голландия", неизвестно почему.

Было без пятнадцати семь, но Алиса любила драматизировать. Это было ее маленькое право, как художника. Она считала, что без здоровой доли драматизма нельзя рисовать настоящему, потому что реальность и так слишком плоская, и если не добавлять ей немного театральности, то все люди на полотнах будут похожи на овощи в супермаркете: лежат себе ровными рядами, ни улыбки, ни печали.

Алиса была художником. Не тем, который открывает вернисажи в центре на "Винзаводе" и пьет натуральное кофе из крошечных чашек, обсуждая концептуальную пустоту бытия. И не тем, который рисует шаржи в парке Горького за пятьсот рублей, пока дети ревут, а родители уговаривают их улыбнуться. Она была художником домашним, почти секретным. Она рисовала дома, на застекленном балконе, который переоборудовала под мастерскую. Там стоял старый мольберт, доставшийся от бабушкиной соседки Зинаиды, которая умерла в девяносто три года и завещала его "девушке с глазами, которые смотрят в сторону вечности". Зинаида была эксцентричной женщиной, разводила кактусы и утверждала, что заговорила себе радикулит куриным бульоном.

На балконе было холодно всегда, даже в июле. Алиса укутывалась в плед, который связала ее мать из шерсти неизвестного происхождения. Мать жила теперь в Твери с новым мужем, который работал на заводе по производству автозапчастей и по выходным драил свой "УАЗик" до зеркального блеска. Плед кололся, пах нафталином и почему-то корицей, но Алиса его любила. Когда она заворачивалась в него, мир становился чуть мягче, а все неправильные вещи — чуть правильнее.

Она рисовала несуществующих людей.

Это началось не как дар или проклятие, а как обычная бессонница. В прошлом октябре она проснулась в три часа ночи от того, что ее горло пересохло, а в голове крутилась фраза на непонятном языке. Смутно она помнила сон: мужчина с лицом, составленным из географических карт, сидел на скамейке в сквере и читал ей вслух инструкцию по сборке шкафа для одежды. Когда Алиса попыталась запомнить его лицо, то увидела только одно: родимое пятно на левой щеке, по форме напоминающее карту Тверской области. Не саму область, конечно, а ее очертания, если смотреть на карту с небольшой высоты и чуть прищурившись.

Она не стала включать свет. Она нащупала на тумбочке старый ватман, который непонятно зачем туда положила, и коробку угля, которая валялась там же со времен института. Она рисовала в темноте, почти наощупь, ведя пальцами по шершавой поверхности, как слепой, который учится видеть кожей. Рисунок получился странным: линии дрожали, пропорции съезжали, но лицо — это лицо смотрело с листа так, будто оно ждало этого момента всю свою несуществующую жизнь.

Наутро Алиса забыла про рисунок. Она ушла в магазин за рисом и курицей, потому что холодильник напоминал пустыню Сахару, если бы в Сахаре была просроченная сметана и полголовки лука. Когда она вернулась и проходила мимо лавочки у подъезда, она его увидела.

Он сидел на той самой лавочке. Той, на которой вечно спал рыжий кот с порванным ухом и у которой были сломаны деревянные рейки с левой стороны, так что садиться туда можно было только с краю, рискуя навернуться прямо в лужу. Мужчина читал газету "Аргументы и факты" и щипал кота за ухо. Кот не сопротивлялся. Кот, кажется, был в экстазе.

У мужчины было родимое пятно на левой щеке, и оно было точь-в-точь как карта Тверской области. Алиса тогда подумала, что это галлюцинация на фоне авитаминоза, потому что прошлую неделю она питалась почти исключительно дошираком и яблоками, которые ей дала соседка снизу, тетя Галя, сказав: "Ешь, детка, а то скоро в шланг превратишься".

Но через неделю она нарисовала женщину с зеленым зонтом. Просто так, для настроения. Женщина была маленькая, сутулая, с лицом, похожим на печеное яблоко. Алиса добавила ей кудряшки из-под платка и родинку на носу. Она не придавала этому значения, потому что рисовала трех таких женщин в день — просто чтобы рука не забывала, как держать кисть.

На следующее утро она пошла на почту забрать посылку от матери (в посылке были варенье из крыжовника и теплые носки). Путь на почту лежал через железнодорожный переезд, где всегда горел красный свет, и вечно собиралась очередь из терпеливых людей, которые смотрели на проходящие товарняки с выражением вечного терпения, выработанного десятилетиями жизни в этой стране.

Там, на переходе, стояла та самая женщина. С зеленым зонтом. И хотя не было дождя и даже не намечалось, судя по синему куску неба над головой, она держала зонт раскрытым и продавала пирожки с капустой из ведра, обернутого в старую простыню.

— Бери, милая, горячие, — сказала женщина, когда Алиса приблизилась. — Сама пекла. Шестьдесят рублей штука.

У женщины была родинка на носу и кудряшки из-под платка.

— Откуда вы? — спросила Алиса, чувствуя, как ее внутренний мир начинает трещать по швам.

— Из-за реки, — ответила женщина и улыбнулась беззубой улыбкой. — А вообще из твоей головы, но ты пока не готова к такому разговору. Вон, смотри, электричка идет.

Алиса купила три пирожка. Они оказались очень вкусными, и это было самое тревожное.

С тех пор прошло два месяца. Алиса завела красную тетрадку, которую купила в канцелярском магазине на углу. Продавщица в том магазине, девушка с фиолетовыми волосами и пирсингом в носу, сказала: "Красный цвет привлекает энергию. Только потом не жалуйтесь, если к вам начнут приходить духи". Алиса тогда засмеялась. Теперь она не смеялась.

В красной тетрадке она записывала каждого нарисованного человека: дату, время, координаты места, где он появился (широту и долготу она определяла по приложению в телефоне, хотя до этого не знала, зачем оно вообще нужно), и особые приметы. На сегодняшний день в тетрадке было семнадцать записей. Семнадцать людей, которых не существовало до того, как ее рука провела линию.

Шестнадцать из них жили своей обычной жизнью где-то в городе. Двое устроились работать охранниками в сетевые магазины. Один работал дворником и каждое утро пел песни группы "Ленинград", подметая листья. Женщина с зонтом все еще стояла у переезда, ее пирожки стали местной достопримечательностью, и о ней даже написали в городской газете маленькую заметку: "Загадочная бабушка с зонтом кормит прохожих". Один из нарисованных, мужчина с большими ушами и чемоданом, полным старых фотографий, нашел работу в библиотеке и теперь каждую пятницу читал лекции по философии для пенсионеров. Пенсионеры ходили и говорили, что он очень странный, но правильный.

Сегодняшнее утро было особенным. Потому что мелодия в голове звучала не просто так. Она звучала ровно для того человека, которого Алиса нарисовала вчера перед сном, когда выпила полстакана ряженки и почувствовала, что пора.

Она рисовала его долго, почти три часа. Леонид, или просто Леня, как она мысленно его назвала, был высоким, под метр девяносто, с совершенно лысой головой, которая блестела в свете настольной лампы, как бильярдный шар. У него была окладистая борода, но не строгая и густая, как у Льва Толстого, а веселая, с рыжиной, с небольшими проплешинами, которые делали его похожим на доброго, лесного духа.

Она долго думала, во что его одеть. В конце концов она выбрала китель образца 1943 года, который когда-то видела на фотографии своего прадеда в семейном альбоме. Китель был темно-зеленым, с потускневшими пуговицами и следами от орденов, которых уже не было. На ногах она нарисовала кроссовки "Адидас" с тремя белыми полосками, но в последний момент гелевой ручкой добавила четвертую, самодельную, потому что ей показалось, что так будет правильнее.

За правым ухом у него торчал карандаш. Простой, деревянный, с надписью "Конструктор", который обычно продают в ларьках у метро. В левой руке он держал чемодан, с наклей-

ками на которых были надписями городов: "Москва — Севастополь — Урюпинск — Владивосток — Кимры". Чемодан был

советским, с треснувшим пластиковым корпусом и замком, который держался на честном слове и куске изолянта.

Когда она закончила, то долго смотрела на рисунок. Он смотрел на нее в ответ. У него были глаза неопределенного цвета — то ли серые, то ли голубые, то ли цвета первого снега, на который упал фонарный свет.

— Ну здравствуй, — прошептала Алиса. — Надеюсь, ты будешь хорошим человеком.

Рисунок не ответил, но Алисе показалось, что уголки его губ чуть приподнялись.

Она не спала всю ночь. Не потому что боялась, а потому что слушала. Она ждала, когда внутри начнет звучать мелодия — сигнал того, что рисунок ожил. В двенадцать ночи ничего не было. В час — тишина, только сосед сверху включил телевизор и смотрел "Криминальную Россию". В два — за окном завывала чья-то сигнализация, но это была машина из соседнего двора, ее угоняли каждую неделю.

В три часа ночи Алиса наконец уснула, обняв мольберт и уткнувшись носом в плед, который пах корицей.

А в пять утра она проснулась от гармошки.

Теперь она стояла на балконе, сжимая в руке кружку с остывшим чаем, и смотрела вниз. Там, у мусорных баков, на фоне серого неба, которое только начинало светлеть из черного в уныло-молочное, стоял он.

Он был именно таким, как на рисунке. Лысый. С бородой. В кителе и кроссовках с самодельной четвертой полоской. За правым ухом торчал карандаш. В левой руке — чемодан с наклейками.

Он стоял, запрокинув голову, и смотрел прямо на ее балкон. На седьмой этаж. На застекленную лоджию, где сохли кисти и стоял банка с разведенной охрой.

— Ты кто? — крикнула Алиса. Голос у нее сел от волнения и от того, что она не пила с утра горячего.

Мужчина улыбнулся. Улыбка у него была спокойная, чуть насмешливая, но без злости. Такая бывает у людей, которые все уже поняли про эту жизнь и теперь просто наблюдают за ней, как за аквариумом.

— Философ, — ответил он. Голос оказался низким, с хрипотцой, как у диктора радио "Шансон", который вдруг решил переквалифицироваться в лекторы философского факультета. — Меня зовут Евламбий. Но вы, наверное, будете звать меня Леньей. Так проще. Меньше вопросов, больше понимания.

— А почему Ленья? — спросила Алиса, хотя это был самый глупый вопрос из всех возможных.

— Потому что Евламбий слишком длинное, — он пожал плечами. — И потом, это имя намекает на евангельские смыслы, а я человек простой. Я могу и просто Ленья.

В этот момент из подъезда выбежал мужик в тапках, с лицом человека, который вчера пообещал себе "все, с завтрашнего дня ни капли", но сегодня почему-то оказался в магазине в девять утра. Он хлопнул дверью, наступил в лужу, выругался, купил три банки пива и скрылся обратно в подъезд, даже не взглянув на Ленью.

Ленья проводил его задумчивым взглядом и сказал:

— Видишь, какая страна. Три банки в девять утра. И никто не удивляется. А я стою здесь с чемоданом, и уже двое из окон смотрят. Ты и вот та тетя с пятого, которая в халате. Она, кстати, думает, что я ее троюродный племянник из Рязани. У нее плохое зрение, но добрая душа.

Алиса посмотрела на свою правую руку. На указательном пальце осталась серая полоса от угля. Она вспомнила, как вчера долго выводила его усы — хотела сделать их закрученными

кверху, но рука дрогнула, и получились какие-то закорючки, похожие на график курса рубля в двадцатом году.

— Я тебя придумала, — сказала она тихо, почти шепотом, так, что слова долетели до него только потому, что утро было очень тихим и воздух был плотным.

Леня усмехнулся. Он поднял чемодан, приставил его к ноге, достал из кармана кителя пачку "Беломора" и зажигалку.

— Это ты так думаешь, — сказал он, закуривая. Дым пошел густой, сизый, пахнущий дешевым табаком и почему-то кремом для обуви. — Вообще-то это я придумал тебя, а ты лишь перенесла меня в эту плоскость. Вы все тут такие — рисуете только тех, кто уже есть на небе. Просто у вас плохо с сервером, задержка в сутки. А иногда и в год. Вот я, например, ждал своего рисунка триста лет. Думал, совсем не дожусь.

— Триста двадцать лет? — Алиса поперхнулась чаем, хотя чай уже давно остыл и не мог обжечь. — То есть тебе триста двадцать лет?

— Телу — нет, — философ посмотрел на свою руку, покрутил кистью, словно проверяя ее на работоспособность. — Телу, наверное, лет сорок семь с половиной. Но дух мой, моя идея — она с семнадцатого века. Я был задуман одним художником в Амстердаме, но он умер от чумы, не успев меня закончить. И я болтался в пространстве три века, пока ты меня не увидела.

— Я тебя не видела, — возразила Алиса. — Я тебя нарисовала.

— А разница? — Леня стряхнул пепел прямо на асфальт. Кот, который все это время сидел на лавочке и облизывался, брезгливо отодвинулся. — Увидеть — это тоже нарисовать, только светом. Ты нарисовала меня углем, а тот, из Амстердама, хотел маслом. В сущности, разница только в материале и в том, что ты девушка, а он был мужчиной с гнилыми зубами.

Алиса хотела сказать что-то еще, но в этот момент завывла сирена "скорой помощи" во дворе. Это была не одна сирена, а две. Они приближались, накладывались друг на друга, создавая какофонию, которую в этом дворе слышали каждое утро, потому что поблизости была городская больница и маршрут "скорых" лежал прямо через их двор.

— Скорая, — констатировал Леня, не оборачиваясь. — Кому-то плохо. Или хорошо, но так, что пришлось вызывать врачей. Грань между этими состояниями в России практически отсутствует.

Он выпустил последнюю струю дыма, раздавил окурок подошвой кроссовка и поднял голову.

— Ну что, Алиса, открывай дверь. Или ты планируешь разговаривать со мной с балкона всю жизнь? У тебя же чай остыл. А у меня в чемодане есть бутылка "Байкала". Помнишь этот напиток? Вкус детства. — Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросила Алиса, хотя уже знала ответ.

— Я же из твоей головы, — улыбнулся Леня. — У нас там все имена есть. И документы, кстати, тоже. Можешь не волноваться, прописку я сделаю сам, на рынке у одного человека. Он тоже нарисованный, только очень старый, еще девяностых годов. Ты тогда в пленках была.

Алиса посмотрела на мольберт. Рисунок, который она сделала вчера, лежал на полу, сдутый ветром, который проникал в щель между рамами. Угольные линии уже начали расплываться, будто кто-то провел по ним мокрой тряпкой.

— Ладно, — сказала она. — Леня, заходи. Только разуйся, у меня линолеум новый. И не трогай палитру. Она масляная, я ее год собирала.

Философ кивнул, подхватил чемодан и пошел к подъезду. Он переступал через две ступеньки, и его кроссовки гулко стучали по бетону, отбивая какой-то странный ритм.

Алиса смотрела на него сверху и вдруг почувствовала, что под ложечкой засосало — не от страха, а от того странного чувства, которое бывает, когда ты встречаешь кого-то, кого давно ждала, но не знала, что ждешь. Когда ты нарисовала себе будущее, и оно вдруг пришло

к твоей двери и звонит в звонок, даже если звонок сломан и вместо него висит клочок бумаги с надписью "стучать".

Глава 2. Теория "Мягких окон"

Подъезд пахнет котом, капустой и временем. Не абстрактным временем, которое течет равномерно где-то в философских книгах, а самым настоящим, российским, многоквартирным временем, которое застревает в щелях между батареями, впитывается в краску на стенах и оседает на полу тонким слоем пыли, которую никто никогда не вытирает, потому что все равно завтра будет новая. Алиса живет на седьмом этаже, и лифт в их доме — это отдельный персонаж, со своим характером, привычками и, кажется, депрессией. Лифт работает через раз. Иногда он останавливается между этажами, и тогда надо нажимать кнопку "вызов диспетчера" и ждать полчаса, пока сонный голос из динамика не скажет: "Ну чего ты там, дверью пошевели". Алиса уже научилась шевелить дверь. Это искусство, которым не каждый овладевает с первого раза.

Философ Леня, не стал дожидаться лифта. Он пошел пешком, перешагивая через две ступеньки, и к тому моменту, когда Алиса открыла дверь своей квартиры, он уже стоял на площадке седьмого этажа, даже не запыхавшись. Чемодан он поставил на пол, рядом с ковриком, на котором было написано "Добро пожаловать" выцветшими буквами, и теперь рассматривал дверь с выражением человека, который явился на собеседование и уже знает, что его возьмут, потому что он единственный кандидат.

— Кроссовки, — напомнила Алиса, показывая пальцем в пол. — Я серьезно насчет линолеума. Мне его тетя Галя с первого этажа достала со своей бывшей работы. Это итальянский линолеум, он даже на ощупь дорогой.

Леня посмотрел на свои ноги. Кроссовки "Адидас" с четырьмя полосками были грязными, и бывальыми.

— У нас в мире, откуда я пришел, не разуваются, — сказал он, но кроссовки снял. Носки у него оказались полосатыми, красно-зелеными, с дыркой на большом пальце левой ноги. — Ну и ладно. Твой дом — твои правила. Я вообще человек покладистый. Меня рисовали покладистым.

Алиса провела его внутрь. Квартира была маленькой, даже по меркам спальных районов: прихожая, в которую входили все вещи сразу, и которая поэтому казалась еще теснее, кухня три на два метра, где помещался только стол, две табуретки и холодильник, и комната, которая служила одновременно гостиной, спальней и складом для несбывшихся надежд. На стенах висели ее рисунки: портреты, пейзажи, натюрморты с грушами, которые почему-то всегда получались похожими на человеческие сердца. На подоконнике стояла герань, которую соседка сверху попросила полить, когда уезжала в санаторий три года назад, и так и не вернулась. Герань выжила, хотя Алиса поливала ее, когда вспоминала, то есть примерно раз в две недели. Цветы вообще удивительные создания: чем меньше о них забота, тем больше они хотят жить, будто назло всем учебникам по ботанике.

— Садись, — Алиса указала на единственный стул, который стоял у стола. — Я на кровати посижу.

Леня сел. Стул жалобно скрипнул, но выдержал. Философ поставил чемодан между ног, погладил его сверху, как старого друга, и огляделся.

— Хорошо у тебя, — сказал он. — Немноголюдно. У нас, там, где я болтался, вечно толпа. Вот это моя родина последние триста лет.

Алиса села на кровать, поджав под себя ноги. Ее мучило сразу несколько вопросов, и они толкались, как пассажиры в час пик, пытаясь пролезть первыми.

— Как это вообще работает? — спросила она, наконец, выбрав самый главный. — Я рисую, а на следующий день появляетесь вы. Где вы были до этого? В моей голове? В какой-то параллельной реальности? Или вы просто материализуетесь из воздуха, как в плохом фокусе?

Леня почесал бороду. Рыжие волоски хрустели под пальцами, будто сухая трава.

— Тебе какой ответ нужен? Научный или человеческий? Потому что научный тебя, скорее всего, разочарует, а человеческий ты не поймешь, пока сама не попробуешь.

— Давай оба, — сказала Алиса. — У меня сегодня выходной, и варенья много.

Леня улыбнулся. Он расстегнул чемодан, покопался в нем и достал бутылку "Байкала". Напиток был темно-коричневым, пузырящимся, с этикеткой, на которой было написано что-то на непонятном языке, похожем на смесь суахили и церковнославянского.

— Три века ждал, когда меня выпьют, — сказал он, откручивая крышку. — Хотя это, конечно, метафора. На самом деле пить ее будут все, кто захочет. Но вообще, по сути, я не материализуюсь из воздуха. Я материализуюсь из твоего намерения. Понимаешь, есть такая штука — мир идей. Платон об этом писал, но потом все забыли, потому что Платон был скучным и не умел писать мемуары. Мир идей — это такое место, где все уже есть. Все люди, все события, все пирожки с капустой, все кошачьи сны. Все уже придумано до нас. Но пока кто-то не нарисует, не напишет, не споет или не построит, эти идеи остаются в спячке. Они есть, но их нет. Понимаешь?

— Не очень, — честно призналась Алиса.

— Представь себе огромную библиотеку, — Леня сделал глоток "Байкала" и поморщился. — Огромную, бесконечную библиотеку, в которой есть все книги, которые когда-либо будут написаны. Абсолютно все. И Коляны Толстого, и твои детские рисунки в садике, и инструкция по ремонту стиральной машины, которую напишет какой-нибудь мужик в Кимрах через десять лет. Они все там есть. Но никто их не читал, потому что читать можно только книгу, которая существует. А они там существуют только как возможность. Ты, когда рисуешь, берешь одну из таких возможностей и превращаешь ее в действительность. Ты не придумываешь новые лица, ты просто находишь те, которые уже есть, и достаешь их на свет. Как проявитель фотопленки. Только вместо химии — уголь и бумага.

Алиса задумалась. Она взяла с тумбочки красную тетрадку, открыла ее на первой странице и увидела запись про того мужчину с родимым пятном. Он все еще работал охранником в "Пятерочке" на соседней улице. Позавчера она проходила мимо и видела, как он проверял чеки у выхода. У него была форменная жилетка, бейджик с именем "Эдуард" и такое лицо, будто он всю жизнь только этим и занимался.

— А почему тогда не все подряд художники создают людей? — спросила она. — Вон, в Третьяковке висят портреты. Ты хочешь сказать, что все эти люди где-то ходят?

Леня засмеялся. Смех у него был странный, похожий на кашель старого мотора, который никак не мог завестись.

— Не все, — сказал он. — Для этого нужно особое условие. Нужно, чтобы художник рисовал не с натуры, а из себя. Из своего внутреннего состояния. Понимаешь, когда ты смотришь на человека и рисуешь его портрет, ты просто копируешь реальность. Ты не создаешь ничего нового, ты переводишь трехмерное в двухмерное. Это ремесло. Но когда ты закрываешь глаза, или, когда ты рисуешь ночью при свете одной лампы, или, когда тебе снятся те, кого ты никогда не видела, — вот тогда ты касаешься мира идей. Ты не копируешь. Ты вспоминаешь.

Вспоминаешь, — повторила Алиса. — То есть я их вспоминаю?

А кого же еще? — Леня отставил бутылку в сторону и наклонился ближе. — Ты думаешь, что у тебя богатое воображение? Нет, девочка. У тебя просто хорошая память. Ты помнишь то, что было до того, как ты родилась. Все помнят, но большинство забывают эти воспоминания бытовым шумом. Кто-то работой, кто-то сериалами, кто-то чужой жизнью в социальных сетях. А ты — нет. Ты просто садишься и рисуешь. И твоя рука помнит то, что забыла голова.

Алисе стало немного не по себе. Она посмотрела на свои руки. Пальцы были в краске, под ногтями — серая каемка от угля, на правой ладони — мозоль от того, что она слишком сильно сжимала кисть. Эти руки рисовали семнадцать человек. Семнадцать судеб. Семнадцать

жизней, которых не должно было быть, но они были. Они ходили по городу, покупали хлеб, ругались в очередях, спали и, наверное, даже мечтали о чем-то. О чем могут мечтать нарисованные люди? О том, чтобы их не стерли ластиком? Или о том, чтобы художник добавил им побольше света в глазах?

— Мне нужно с кем-то это обсудить, — сказала Алиса, вставая с кровати. — Я не могу одна. Ты же понимаешь, у меня голова сейчас лопнет, как тот кипящий чайник, который я забыла на плите в прошлом месяце. Соседка снизу тогда стучала по батарее.

— У тебя есть подруги? — спросил Леня.

— Одна, — кивнула Алиса. — Катя. Мы вместе учились в университете. Она физик. Точнее, она кандидат наук, только защитилась в прошлом году. Она работает в институте и изучает какие-то странные волны. Она очень умная, но при этом верит в гороскопы и расклады Таро. Такой парадокс.

— Физик, который верит в Таро, — Леня покрутил головой. — Это интересно. В мое время таких сжигали. Сейчас, наверное, дают гранты. Звони своей Кате. Мне тоже интересно, что скажет наука о человеке, которого нарисовали. Алиса взяла телефон. Телефон был с треснутым экраном, который она разбила, когда уронила его в суп. Она набрала номер Кати и включила громкую связь. В трубке раздались длинные гудки, а потом заспанный голос:

— Ты в курсе, что сейчас восемь утра?

— В курсе, — сказала Алиса. — У меня чрезвычайная ситуация. Приезжай.

— Опять холодильник сломался? — Катя зевнула так громко, что динамик захрипел.

— Хуже. У меня дома человек, которого я нарисовала вчера вечером, и он утверждает, что он философ и что его не было триста двадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.